

Эстер Сегаль

Гробы
демиурга

Эстер Сегаль

Пробы демиурга

текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3912095
Эстер Сегаль. Пробы демиурга:

Аннотация

Роман-фантазия. Что делать, если невозможно отличить, где фантазия переходит в реальность и наоборот? И что должен чувствовать тот, кто из простого автора превращается в автора новой версии бытия, когда в качестве отклика на любую его мысль, любое слово или действие рушатся города и возникают неожиданные персонажи?

Содержание

1. Утро	4
2. Клаустрофобия	12
3. Невеста	19
4. Авария	26
5. Кошка	33
6. Психоанализ	41
7. Спиритизм	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Эстер Сегаль

Пробы демиурга

1. Утро

Утро выдалось многообещающим. Он сразу это понял.

С ним так бывало: иногда проснется и сразу, а, главное, безошибочно осознает, сулит ли день что-нибудь интересное, или, наоборот, ожидается какая-то вялотекущая размазня и не более того.

На этот раз все: и вспыхнувшая перед оживающим зрачком полоска света, и шелест одеяла, и стрелки часов, указывающие на то, что пробудился он раньше, чем обычно, — свидетельствовало о назревающем в почке утра интересном продолжении.

А посему он не стал валяться в кровати. На три счета присел, спустил с кровати ноги и нащупал шлепанцы. Еще на три счета встал и для утверждения себя в подзабытом за ночь вертикальном состоянии покрутил верхней половиной туловища направо и налево. Потянулся и отправился в совмещенный санузел.

Там он, как обычно, надолго не задержался. Исполнил свои надобности, кое-как, без особого старания и внимания, почистил зубы, провел гребнем по волосам — и все это как

бы нехотя и от безысходности. Так что даже весь его вид говорил (хотя, по правде, говорить-то было некому, ибо никаких сторонних наблюдателей в квартире никогда не бывало): «Ну что поделаешь? Глупости – а надо!»

Покончив с неизбежным, он налил в чайник воды и в ожидании свистка подсел к компьютеру, который стоял тут же неподалеку на воображаемом пересечении салона и кухни. На воображаемом, потому что на самом деле никаких особых линий там не проходило и, вероятно, тот же отсутствующий сторонний наблюдатель, окажись он внезапно тут, поделил бы окружившее его пространство иначе.

Компьютер еще спал. То есть находился в режиме, когда для того, чтобы он ожил под чуткими пальцами и осветился приветственной улыбкой единомышленника, достаточно нажать всего на пару кнопок.

На этот раз так и произошло. И тут же пальцы мужчины забегали по клавиатуре, а на экране, на белизне виртуального листа появились следующие строчки: *«Утро выдалось многообещающим. Он сразу это понял.*

С ним так бывало: иногда проснется и сразу, а главное, безошибочно осознает, сулит ли день что-нибудь интересное, или, наоборот, ожидается какая-то вялотекущая размазня и не более того.

На этот раз все: и вспыхнувшая перед оживающим значком полоска света, и шелест одеяла, и стрелки часов, указывающие на то, что пробудился он раньше, чем обычно –

свидетельствовало о назревающем в почке утра интересном продолжении...»

Тут как раз и чайник засвистел, что являлось привычным приглашением к завтраку. Мужчина встал и опять, как будто нехотя и через силу, поплелся готовить свой утренний кофе. При этом сахар он просыпал, а потом мешал коричневую смесь в чашке с таким остервенением, словно пытался выместить на фаянсовом предмете свою досаду от того, что некому поручить столь занудную процедуру.

И опять весь его вид выдавал одну-единственную засевающую в сознании, как рыба кость в горле, мысль: «Ну что поделаешь? Глупости – а надо!»

А все это потому, что он ненавидел тратить время на эти самые «глупости». Он просто не мог себе этого позволить, ибо считал себя очень серьезным и очень занятым человеком. А в разряд «глупостей» относил все, что не связано с его важным и серьезным занятием. Хотя, с другой стороны, надо честно признать, что его занятие при желании могло включать в себя все, что угодно...

Он был писателем.

И не только по роду деятельности, которой он пытался зарабатывать себе на жизнь, но еще и по призванию, и по самоощущению, и по страсти, и по образу жизни.

И не то чтобы писательский образ жизни был каким-то уникальным и позволяющим этому самому вечно отсутству-

ющею стороннему наблюдателю моментально, с первого взгляда определить: вот, мол, передо мной писатель. Напротив, так как известности он еще не достиг, а внешностью никак не выделялся, то вряд ли кто-нибудь вообще мог бы догадаться о его профессии. Но при этом, незаметно для чужого глаза, он все делал именно по-писательски.

Ел по-писательски, спал по-писательски, парковал свою машину и делал покупки – тоже по-писательски. И это значило, что ко всему: еде, питью, отдыху, прогулкам, покупкам, поездкам и просто человеческому общению – он относился как бы непосредственно, и в то же время весьма отстраненно.

Вроде бы, это он ощущает во рту вкус котлеты, а вроде как, и не он, а некто, кто изучает его в увеличительное стекло и заносит все наблюдения в свое не то художественное, не то документальное повествование.

И так же со всеми остальными ситуациями: смотрит ли он телевизор, или плавает в бассейне, или чинит карандаш, или выносит мусор – везде он в двух ипостасях: он герой и он же летописец героя, внимательно глядящий со стороны.

И поэтому, наверное, он сам, будучи героем (если только не находился дома, рядом с компьютером, а где-то вне пределов своей квартиры), везде и всегда появлялся с блокнотом. И в этот блокнот записывал свои наблюдения за происходящим.

А так как на свете всегда и везде что-нибудь да происхо-

дит, блокнот у него не закрывался почти никогда. Ну, если, конечно, руки у него не были заняты. Например, намыливанием мочалки, или автомобильным рулем, или ручкой, за которую нужно было толкать тележку в супермаркете.

Да и то любая из перечисленных или любая иная ситуация могли быть запросто прерваны им для того, чтобы он смог извлечь из кармана блокнот и огрызок карандаша и записать внезапно посетившие его мысль или впечатление.

Частенько он останавливал машину на обочине и заносил в блокнот пометку о чем-то увиденном по дороге. Не менее часто тянулся за пачкой макарон или растворимым кофе и тут же забывал об этой скромной цели, привлеченный легким дуновением вдохновения, и, опять же, доставал блокнот.

И сколько раз (пожалуй, и не сосчитаешь), сидя в кафе (а в кафе он сидел часто, ибо приготовление еды считал одной из «глупостей», а стало быть, не желал тратить на это время, предпочитая еду, приготовленную другими), он забывал и об аппетите, и о заказанной порции, так что она уныло остывала, пока он вносил в блокнот заметки о посетителях, официантах и прочем, и прочем, и прочем.

Короче говоря, он был одержим писательством и «материалом» для писательства. Последним же он, сам не отдавая себе в этом отчет, считал весь мир и все, что его наполняет.

Отражением этого наполнения был блокнот. Вернее, блокноты, ибо они быстро сменяли один другой и, про-

нумерованные, хранились в писательском шкафу с целью быть периодически извлеченными оттуда для консультации: а правильно ли описана автором автостоянка, бензозаправка, бродячая дворняга, экспрессивный чечеточник, работник почтового отделения, цветущий каштан или любое иное к слову пришедшееся явление.

Блокноты были пронумерованы и занесены в картотеку. Но при этом, сигнализируя об организованности и серьезности своего хозяина, они создавали ему ложный имидж. Потому что несмотря на четкую блокнотную систему, во всем остальном он был рассеян, вял и даже слегка инфантилен. Но и это, наверное, потому что он был писателем, а стало быть, постоянно отвлекался от реальности и переносился в мир воображаемый.

Ну, а так как в мире реальном и воображаемом время течет неодинаково, то неудивительно, что у него то и дело подгорали яичницы и тосты (то небольшое, что он иногда готовил сам), пропадали вещи и выпадали из памяти имена, даты и лица знакомых.

А иногда даже бывало, что, послушно замерев перед красным сигналом светофора, он уносился мыслью в места отдаленные и смены сигнала уже не замечал. Так что водители задних машин неистово давили на клаксоны, чтобы сдвинуть с места растяпу. Но он часто и этих резких звуков не слышал, а слышал некий воображаемый стук пальцев по клавиатуре, а на воображаемом экране при этом возникали священные

(как минимум, для него самого) письма. . .

Выпив кофе и сжевав два тоста (надо же, на этот раз не подгорели – точно день особенный!), один с сыром, один с повидлом, он поставил чашку в раковину (помою потом, ведь такое хорошее утро не стоит тратить на «глупости») и вернулся к компьютеру.

Тот успел погаснуть, но вновь был разбужен и сразу же напичкан новым куском на глазах возникающего текста. Кусок гласил: *«А посему он не стал валяться в кровати. На три счета присел, спустил с кровати ноги и нащупал шлепанцы. Еще на три счета встал и для утверждения себя в подзабытом за ночь вертикальном состоянии покрутил верхней половиной туловища направо и налево. Потянулся и отправился в совмещенный санузел»*.

– Для начала недурственно! – одобрил он сам себя. – Даже очень! Это может стать первым листом моей новой повести. Или даже романа. Только вот что там произойдет дальше? Впрочем, какая разница? Ведь в этом деле главное начать, а потом уже само пойдет. А начало-то уже и есть!

Да, начало было. Целых три абзаца. И он их с удовольствием перечитал. А потом приготовился ждать, как «оно» там само пойдет. Но «оно» почему-то не шло. И тогда пойти решил он.

Пойти прогуляться. Сделать кое-какие необходимые и, можно сказать, даже неотложные дела. Подышать. Набраться

впечатлений. И повстречать где-нибудь по пути то пока еще своенравно играющее в прятки продолжение, которое должно органично прирасти к уже имеющемуся началу.

В том, что скрытное продолжение будет обнаружено, он не сомневался, ведь утро все-таки было самым что ни на есть многообещающим. А потому он не мешкая отправился на поиски.

Не сразу, конечно. Сначала снял и сложил пижаму. Надел чистую рубашку и джинсы. Взял сумку со всем необходимым для вылазки в мир. Снял с крючка в прихожей связку ключей от квартиры и машины. Вышел, запер дверь и вызвал лифт.

Все это он многократно проделывал и раньше. А потому он никак не мог догадаться, что набор столь стандартных привычных манипуляций окажется прелюдией к совершенно нестандартному и непривычному последствию.

Впрочем, последствие-то было еще только впереди. И значит, никто не имеет права упрекнуть мужчину, спускающегося в лифте многоквартирного дома, в недогадливости.

2. Клаустрофобия

Первым сюрпризом оказалась какая-то внезапная техническая неполадка, из-за которой лифт, привычно прошуршав с полтора этажа, вдруг зашелся скрежетом, похожим на старческий кашель, и замер.

Честно говоря, в лифте писатель еще никогда не застревал. И хотя у него имелось смутное понятие о каких-то аварийных кнопках, которые, в случае нажатия, сигнализируют ремонтной бригаде о необходимости явиться на помощь заключенному в железной коробке, он не был уверен в том, что нужные кнопки сработают и что кто бы то ни было отзовется на сигнал о спасении.

– А может, это просто кратковременный перебой с электричеством – успокоил он самого себя. – Вот сейчас лифт дрогнет и покатит себе дальше.

Лифт не шелохнулся.

– Или сейчас кто-нибудь вызовет его на своем этаже.

Не тут-то было.

– Да ладно. Даже если и поторчу тут немножко, тоже не страшно!

На самом деле было страшно.

– А вот и нет! И вообще, писателю полезно иногда застревать в лифте. Можно набраться впечатлений, задуматься о важном.

О чем, конкретно, стоит задуматься, он решить не смог, а потому поддался глазам, которые от нечего делать стали рыскать по стенкам и изучать следы пребывания в этой коробке других человеческих существ.

Следы были разнообразные. Скабрезные картинки, международные символы и претендующие на увековечивание надписи о факте пребывания тут того или иного индивидуума или целой стаи таковых. В общем-то, ничего интересного для писателя. И только одно жирно намалеванное слово привлекло его внимание. Приблизительно на уровне его глаз, чуть наискосок, как позорное обращение лично к нему значилось: «Казел!»

Сам факт подобного обращения он еще мог пережить, а вот ошибку в правописании – ни за что. Писать слово «козел» через «а» мог позволить себе лишь самый отпетый извращенец и враг человечества. А потому, затрепетав всем своим писательским нутром от возмущения, узник лифта достал карандаш и переправил неправильную букву на «о».

После этого как-то полегчало.

Правда, ненадолго, так как лифт и не думал приходить в себя. Положение становилось все более неприятным.

На часах было 9.30. Писатель засвистел.

9.35. Писатель зацокал языком.

9.40. Писатель прислонился спиной к задней стенке лифта и закрыл глаза.

9.45. Писатель вспомнил, что можно воспользоваться со-

товым телефоном и позвонить в полицию. А потом и кому-нибудь из знакомых, чтобы поболтать и скоротать время.

– И как это я раньше не догадался – изумился он, доставая телефон из сумки. – Ну и глупый же я человек!

Телефон был мертв. Дисплей загорался, но сигнализировал о полном отсутствии связи.

Это, пожалуй, было уже слишком.

– Ну, я вам покажу! – рассердился писатель, сам, правда, не осознавая, кому именно и что именно он собирается показать.

Следующая же мысль оказалось совсем гадкой. Ему подумалось, что, может быть, все наоборот, и на самом деле кто-то хочет что-то показать ему самому. И тут все поплыло у него перед глазами.

– Черт! – выпалил писатель и рванул воротник. – Воздуху, воздуху дайте! Дайте же!

И непонятно было, то ли из застрявшей между этажами лифтовой кабины вдруг и вправду некий злой шутник начал выкачивать столь необходимый для выживания кислород, то ли у писателя просто появились совсем субъективные и никак не связанные ни с чьей злой волей симптомы клаустрофобии.

Скорее, все-таки это было последнее, ибо симптомы начали пополняться по классической схеме. Ему страшно захотелось пить, но не удалось даже сглотнуть слюну и из-за такой внезапно возникшей и настолько сильной сухости во

рту, что разом начали трескаться губы.

При этом тело явно отсутствием влаги не страдало, напротив, оно обильно покрылось потом, да так, что писатель сам себе показался диковинным склизким зверем, неприятным до тошноты.

Он сел на пол. От головокружения это, правда, не помогло, зато прибавило уверенности, что ноги не подведут.

9.55. Его пробивала дрожь.

10.00. Пульс учащался все больше и больше, и было непонятно, как сердце не сойдет с ума от этого бешеного ритма. Впрочем, сумасшествие – удел другого органа, который, несмотря ни на что, старался этого избежать, как всадник, гарцующий на взбесившейся лошади, старается избегнуть позорного падения.

Стены лифта пульсировали в такт писательскому сердцу. Только ему почему-то казалось, что с каждым следующим сокращением они подползают все ближе к его совсем обесилевшей плоти и вот-вот сожмут свои смертельные тиски.

Да, определенно, стены приближались. Вот уже и переправленное ругательство «Козел!» нависает сверху так близко, что можно сосчитать карандашные штрихи, совсем недавно нанесенные на злосчастную неправильную букву.

Он совсем зашелся от ужаса.

– Что делать? Что делать? – повторял он как мантру, но ответа не находил. – Что же делать? Еще немного, и этот проклятый лифт меня задушит.

Похоже, все шло к тому, и мысли его закружились в голове с еще большей скоростью. Нелепые мысли. Причем, каждая предыдущая сменялась следующей, еще более абсурдной.

10.05. За что?

10.06. Почему именно я?

10.07. Кто-то задумал меня уничтожить!

10.08. Я должен его остановить!

10.09. Нет спасения!

10.10. Выход всегда есть. Я должен его найти!

Он попробовал ощупать стены и тесно пригнанные друг к другу дверцы лифта в поисках выхода. Тот, естественно, не обнаруживался. И не было во внутренностях этой коробки ни зазора, ни царапины, так что и ногтю не за что зацепиться.

10.11. Выход всегда есть. Я должен его найти!

Увы! Пока что это оставалось пустым лозунгом!

10.12. Выход всегда есть. Я должен его найти!

Похвально! Молодец, писатель! Только не становишься ли ты фантастом?

10.13 Я его найду!

Стены, словно парализованные его решимостью, на некоторое время перестали сжиматься.

– Ага! – закричал он. – Я знал! Я вас остановлю!

И в припадке гневной радости он вскочил и что есть сил забарабанил по своей темнице ногами. Но это действие «им» не понравилось, и «они» снова перешли в наступление.

10.15. Надо успокоиться. Похоже, они боятся моей твер-

дости и наглеют в ответ на панику.

10.16. Так, отлично. Чуть глубже дышать и приказать сердцу медленнее биться. 120 ударов в минуту слишком много. Попробуем снизить до 100.

10.18. Теперь до 90.

10.20. Теперь до 80.

Тактика работала.

– Вот она – сила мысли! – обрадованно констатировал писатель. – А говорят, ею не только на собственное тело можно воздействовать, но и на окружающие предметы тоже. Мыслью ложки сгибать и поломанную электротехнику чинить. Может, даже и лифт, хоть он и большой.

От этой дерзкой мысли пульс снова участился.

– А что? Что есть какой-то засранный лифт против существа высокой духовной организации?! Вот сейчас я его буду гипнотизировать!

Придя к такому неожиданному, но выстраданному решению, он напыжился, надул щеки и обратил испепеляющий суровый взор на панель с кнопками, логично предполагая, что там и находится мозг испытуемого.

10.23. Ничего!

10.24. Стены перестали дрожать.

10.25. Откуда-то повеяло свежим воздухом.

10.26. Ничего!

10.27. Ничего!

10.28. Не сдаваться!

10.29. Не сдаваться!

10.30. Я заставляю эту жестянку меня слушаться!

10.30. Ну!

10.30. Ну!!!!

10.30. Ну!!!!!!!!!!

Лифт дернулся.

В лифте погас свет и тут же зажегся снова.

Что-то зашуршало, и лифт плавно заскользил вниз.

– Сработало! – удивился писатель. – Или это просто кто-то пришел и спас меня?

Лифт остановился на нижнем этаже и распахнул свои двери, обдавая недавнего своего узника ворвавшимися внутрь встречными потоками света и уличных запахов. Рядом с лифтом никого не было: ни ремонтной бригады, ни соседей.

– Значит, все-таки сработало? – ошалело повторил писатель. – Или просто совпадение?

С этим нерешенным вопросом он шагнул наружу...

3. Невеста

В кафе было немногочисленно, и поэтому две молоденькие официантки вполне могли себе позволить пощebetать о своем.

Свое по большей части заключалось в обсуждении «своих», как они лаконично называли кавалеров.

– А мой вчера приехал на мотоцикле. И в новых кроссовках, – сказала та, что была чуть более белокурой и пухлой.

– А мой предложил съездить куда-нибудь на выходные, – подхватила чуть менее белокурая и чуть более стройная.

– А куда-нибудь – это куда?

– Либо на дачу к родителям, либо в гостиницу где-нибудь на берегу.

– У вас уже все так серьезно?

– Похоже на то.

– И жениться будете?

– Как только он найдет постоянную работу.

– Ого! Так у тебя уже, небось, обручальное кольцо куплено?

– Еще нет, но я уже знаю, какое я хочу.

– Надо же, невеста! – не без зависти выдохнула более пухлая. – А мой все не мычит, не телится. Хотя с работой у него все в порядке. И босс даже обещал ему прибавку со следующего месяца. Но он меня еще никуда не возил, жмот! Разве

что вчера на мотоцикле. Ну, я и страху натерпелась!

– Чего вдруг? Твой прежний тебя тоже катал на мотоцикле.

– Тот не лихачил. И вообще он был весь какой-то слишком правильный. Может, потому я его и бросила.

– А этот неправильный?

– С этим интереснее. И что на мотоцикле, что без – дух все одно захватывает.

– А мой сегодня опять обедать придет.

– Сюда?

– Сюда.

– А я его женихом буду дразнить!

– Не смей! – более стройная даже сразу вся зарделась. – Не вздумай! Ты все испортишь! Мы же еще официально не объявили. Пока еще так все, в самом начале. И я только тебе и сказала по секрету!

– Да ладно! – фыркнула более полная. – Не бойсь! Вредить подругам не в моих правилах. Кстати, ты заметила: вон твой постоянный клиент зашел, который всегда с блокнотом. Только он что-то сегодня какой-то взъерошенный. Иди уже к нему, накорми холостяка.

Более стройная взяла меню и чистые приборы и направилась к дальнему столику, за которым обычно любил сидеть писатель. Он, как всегда, плюхнулся на свое любимое место, которое по какому-то странному стечению обстоятельств к его приходу всегда оказывалось свободно. Но хотя делал он

сегодня все то же, что и в предыдущие многочисленные свои посещения этого кафетерия: бросил на свободный стул сумку, достал из кармана блокнот, вид у него, действительно, был диковатый. Как будто он узнал какую-то неприятную новость и никак не может ее переварить.

– Ладно, вместе с едой переварит, – сама себя утешила более стройная официантка и протянула клиенту меню.

– Как поживаете? – спросила она вслух. – Будете выбирать? Или как обычно?

– Как обычно, – пробормотал писатель. – Хотя знаете что? Пожалуй, принесите мне чего-нибудь выпить. Такого – освежающего.

– Пива, что ли? – удивилась официантка. – Или чего покрепче прямо с утра?

– Покрепче чего-нибудь.

– Вино, водка?

– Маленькую водку, пожалуйста. И газировки какой-нибудь запить.

– Точно не в себе, – подумала официантка и пошла выполнять заказ.

Писатель, между тем, вздохнул и взялся за карандаш, острие которого описало легкий круг над столом и впилося в плоть блокнотного листа. Лист тут же покрылся грифельного цвета татуировкой. Та гласила:

«Писать слово «козел» через «а» может позволить себе лишь самый отпетый извращенец и враг человечества...»

Предполагаемые симптомы клаустрофобии: затрудненное дыхание, головокружение, сухость во рту, потоотделение, учащенное сердцебиение – все проверить в интернете...

Что есть какой-то засранный лифт против существования высокой духовной организации?!

Можно ли силой мысли...

Тут карандаш замер, потому что писатель был отвлечен появлением первой части своего обычного утреннего заказа. Это был теплый хлеб и свежий салат. И хотя, как правило, писатель любил сразу по появлении этой парочки вгрызаться в подогретую хлебную мякоть, на этот раз он вздохнул, отодвинул блюдо и решил дописать начатую фразу:

... воздействовать на себя и окружающий мир?

?

?»

Все-таки хлеб пах слишком вкусно, чтобы можно было забыть о нем надолго. А посему писатель приступил к еде. Отменного, кстати, качества, что, как всегда, заставило его порадоваться тому факту, что любимое кафе находится так близко к дому: при желании из окна его квартиры можно было бы наблюдать за посетителями и официантками.

Официантки, тем временем, справившись с заказами (у писателя на столе появились рыба под соусом и картофельные чипсы), продолжили прерванную беседу.

– А где вы будете жить после свадьбы? – спросила более пухлая.

– Будем квартиру снимать.

– А у него родители богатые?

– Обыкновенные.

– А как они к тебе относятся?

– Обыкновенно. Хорошо.

– Быстро, однако, у вас закрутилось.

– Да не так, чтобы очень быстро.

– А ты часом не беременна?

– Ну, вот еще, скажешь тоже.

– Ну, мало ли, всякое бывает.

– Еще не хватало.

– А этот-то с блокнотом опять пишет. Умора смотреть на него!

– Да уж, я стараюсь, а у него все стынет.

– Да и сам он весь какой-то застывший.

– Точно. Даже жаль его.

– А ты пойдی его согрей, невеста! – прыснула более пухлая.

– Невеста! – раздалось в ушах у писателя, и он тут же при-
ник к блокноту:

«Ей подходило быть невестой. По крайней мере, если бы некий кулинар искал модель для свадебного торта, он бы, без сомнения, остановил свой выбор на ней, чтобы скопировать ее аппетитную фигурку и установить ее на белоснежном креме среди не менее белоснежных рельефов из бизе. Такая нежная, сдобная, белокурая – она всем своим видом так

и требовала флердоранжа и кружев.

Любой, глядя на нее, моментально понимал, что если жениться, то только на таких. Да, и она сама это смутно осознавала и уже грезила о примерочных, где, завернутая в шелк и утыканная булавками, она сможет воочию увидеть в зеркале образец недолгого девичьего счастья. Кстати, и жених у нее был соответствующий...»

Тут писатель притормозил полет карандаша и допил газировку. Водка же уже благополучно бежала по жилам, смягченная закуской и творческим пылом. А в голове, еще неопределенная, эмбрионально-бесформенная, но уже жадная к жизни пульсировала стихийно зародившаяся фабула будущего произведения.

Писатель сглотнул. Фабула – гостья капризная. Вовремя не обратишь не нее внимания, не уважишь как следует, глядишь, ее и след простыл. И сколько ни вспоминай – не восстановишь ни ее лица, ни одеяния. А приручать таких можно только одним способом – облечь их зыбкую сущность в плотно сотканную словесную плоть.

– К компьютеру! – сам себе скомандовал писатель.

– Вы, кажется, забыли заплатить, – преградила ему путь более стройная официантка. – Что это с вами сегодня? Сами на себя не похожи.

– Утро выдалось такое, – оправдался писатель. – Вот деньги. Сдачи не надо.

– Спасибо.

– Пожалуйста.

– А Вас можно поздравить? Вы – невеста?

– Да – зарделась официантка. – Ну, то есть почти.

– И кто же Ваш жених? Тот, что сюда обедать приходит?

– Да. И как это Вы внимание обратили? Кажется, все пишите-пишите, вокруг себя не глядите. А сами, оказывается, все замечаете.

– Профессия у меня такая! – гордо ответил писатель и пошел себе восвояси.

Более стройная официантка пересчитала купюры. Более пухлая взглянула на пачку и одобрительно покачала головой.

– А ты знаешь? – заметила она. – Тебе подходит быть невестой. Тебя надо скопировать из марципана и украсить тобою свадебный торт. Представь себе, ты вся такая среди крема и бизе в платье из сладкой ваты. Ты, кстати, уже придумала, какое у тебя будет платье?

– Так, кое-какие идеи.

– Пойдешь в ателье, возьми меня с собой. Я тебя так и вижу в примерочной, всю в шелке и в булавках.

– Да ну тебя, рано еще.

– А все ж таки ты счастливая! И жених у тебя – соответствующий!

Жалко, что писатель их уже не слышал...

4. Авария

В лифт он войти побоялся и преодолел все восемь лестничных пролетов на своих двоих.

Дома он тщательно перенес из блокнота в компьютер рассуждения о невесте и продолжил:

«Ее жених имел хороший характер. Был открыт, жизнерадостен и не боялся перемен. А может быть, даже и искал их, что проявлялось как минимум в том, что он отродясь не имел работы, на которой продержался бы больше нескольких месяцев. И не от лени, и не от склонности к праздности, а скорее, из-за поисков себя. Очень уж ему хотелось попробовать все и выбрать то, на что откликнется душа, что бы там ни понимали люди под этим словом.

В данный момент он работал развозчиком пиццы. И хоть пицца имела весьма посредственные вкусовые качества, да и сам он пиццу не любил, это не мешало ему вручать теплые и пахучие картонные коробки заказавшим их клиентам с ослепительной улыбкой и неизменной напутственной фразой: «Спасибо за заказ. "Профессор пицца" – отменный выбор!»

И носиться по городу с этими коробками было здорово. На ярко-красном мотоцикле, выданном за счет заведения. В ярко-красном шлеме и перчатках. Навстречу ветру и восхищенным девичьим улыбкам. Одна так сладко улыбалась,

что стала его невестой.

И сейчас он летел к ней. В кафе, где она работала официанткой. На обед. По льготной цене и со льготным обслуживанием. Ведь не питаться же одной пиццей, от которой его к тому ж, уже давно с души воротило. Что бы там ни понимали люди под словом «душа».

Невесту свою он любил. Еще с утра ему не терпелось ее увидеть. Тем более что он был уверен в том, что ей тоже не терпится. Но сегодня, как назло, все не заладилось. Один заказчик расплатился крупной купюрой, так что пришлось потратить кучу времени, чтобы разменять ее и вернуть покупателю сдачу.

Другой заставил его целых десять минут прождать у входа в офисное здание. Замешкался с делами и не торопился спуститься за коробкой. И еще у одного адрес оказался такой мудреный, что жених исколесил полмикрорайона, пока обнаружил нужную улицу, а на ней нужный дом.

И сейчас приходилось наверстывать упущенное время. Тем более что невеста заждалась. Да и живот подводило. Так что он даже зажмурился на мгновение, предвкушая любимые яства, а потом, чего греха таить, и жаркие объятия.

И это была его роковая ошибка. Не надо зажмуриваться на дорогах. Как бы лихо ты не владел мотоциклом. И как бы близко не был знаком с городской картой.

Даже если бы его могли потом спросить, как все произо-

шло, он бы не смог дать внятного ответа. Все смешалось в его голове в одну точку. И не возможно было понять, что шло за чем: сначала резкий и страшный визг тормозов, а затем угрожающе быстро приближающаяся серая полоса асфальта, или наоборот?

Он упал. И больше ничего не помнил. И почти мгновенно душа его отлетела. Что бы там ни понимали люди под словом «душа»!

И случилось это прямо перед кафе, где работала его невеста. И она, хоть и была в данный момент на шумной кухне, услышала, как зловеще пели тормоза. И сердце ее дернулось. И она выглянула на улицу. И кто теперь объяснит ей, что бросило ее любимого под колеса старого Рено? Была ли то судьба, чья-то злобная воля или просто совпадение? Или закономерность жестокой статистики, которая утверждает, что все мотоциклисты падают? И умирают в 25 раз чаще водителей автомобилей...»

Следующую строчку писатель начать не успел. Потому что сквозь раскрытое окно до него донесся дикий скрежет тормозов.

– Это еще что такое? – поморщился он недовольно. – Сосредоточиться не дадут.

И все-таки оторвался от клавиатуры и подошел к окну. Зрелище, открывшееся ему там, было не для слабонервных.

На проезжей части вздыбился чей-то зеленый Рено. А ря-

дом с этим внушительным зеленым пятном было много-много красного. Останки красного мотоцикла. Красный шлем, откатившийся к самому тротуару и еще качавшийся на своей выпуклой полусфере. Брызги красного пластика, еще недавно ровным глянцевым слоем покрывавшие почти новенький мотоцикл. И брызги крови. Повсюду. Куда ни глянь.

Сначала вся эта краснота ударила в глаза. Заполнила собою все. Обожгла радужную оболочку. Затем собственная кровь писателя застучала в висках, уже второй раз за сегодня доводя его пульс до полного бешенства. В ушах его загудело от этой горячей волны, и он словно бы на несколько мгновений оглох. А потом, когда слух вернулся к нему, его потрясли несколько мощных звуков.

То смешались две сирены: полицейская и скорой помощи. И на их фоне возникла третья составляющая трагической какофонии – дикое, звериное, душераздирающее (что бы там ни понимали люди под словом «душа») соло обезумевшего сопрано.

Это кричала официантка из кафе. Та, которая подавала писателю теплый хлеб. Та, которая ждала своего жениха. Та, которая уже продумала фасон свадебного платья и форму обручального кольца. Та, которая могла бы быть идеальной моделью для невесты из марципана. Та, которая умела выть, как раненное животное, пережившее расстрел своей стаи. Как стихия, которая выбрасывает ревушие звуки, предшествовавшие всем словам и алфавитам. Как сама боль, кото-

рую мы слышали бы именно так, если бы только смогли подключить к центру боли в истерзанном мозгу тот микрофон, который соответствует нашему уху.

Она кричала!

Писатель зажал уши.

Она кричала!

Писатель зажмурился.

Она кричала!

Писатель почувствовал тошноту.

Она кричала!

Писатель прислонился лбом к прохладному стеклу.

Она кричала!

Писатель тоже закричал!

Закричал от увиденного ужаса, от крика официантки, от сострадания и от мучительного вопроса, который возник в сознании и буравил его изнутри, так что, казалось, он сам сейчас изойдет кровью.

– Что же это? – без слов, одним протяжным звуком кричал писатель. – Что это? Это судьба, чья-то злобная воля или просто совпадение? Или закономерность жестокой статистики, которая утверждает, что все мотоциклисты падают? И умирают в 25 раз чаще водителей автомобилей? Или я это угадал? Угадал? Угадал ли?

Тут ему показалось, что ничего такого он и не писал. И словно утопающий к спасительному буйку, он устремился к компьютеру, отчаянно надеясь, что файл пуст. Что его бе-

лизну и чистоту не обезобразила ни одна строчка о трагедии и крови.

Но компьютер был безжалостен. Он отрапортовал, что текст был автоматически сохранен минуту назад, И выдал ровнехонький черный орнамент из жестоких букв. Последние из них заплясали у писателя в глазах: *«И умирают в 25 раз чаще водителей автомобилей...»*

– Все кончено! Я пропал! – простонал писатель. – Как же теперь жить?

– Чушь собачья! – пропищал голос писательского разума. – Ты тут не причем. Это простое совпадение.

– Вот так, до последней детали?

– И что с того? Эх, теорию вероятности не учил ты, гуманитарий хренов.

– А что в ней?

– А то! Невероятные вещи тоже вероятны. И вот тебе одна из них.

– Не может быть!

– Может!

– Но вот так, до последней детали? И красный мотоцикл, и Рено.

– Опять заладил! Да кто тебе сказал, что до последней? Может, он вовсе и не пиццу развозил?

Писатель бросился к окну.

К мотоциклу, прямо за водительским сиденьем сзади, был прицеплен средних размеров ящик, весь заклеенный ре-

кламой пиццы. С четвертого этажа разобрать надпись было трудновато, и все же отдельные слова кое-как сложились в простенький лозунг. Что-то вроде того: «"Профессор пицца" – отменный выбор!»

Писатель взвыл:

– Да такой пиццы и не существует вовсе. Я ее сам выдумал.

– Бредишь? – отозвался голос разума. Нагленько так отозвался, с издевкой. – Ничего ты не выдумал. Заметил как-то этого молодца на мотоцикле. Значения не придал, а сам запомнил. И сейчас это у тебя всплыло. И никакой мистики, парень, никакой!

– Ты думаешь? – усомнился писатель.

– А то!

– А почему это случилось сразу, как только я вбил этот проклятый отрывок в компьютер?

– Почему, да почему! Так оно, совпало.

– А почему раньше ничего такого не совпадало?

– Ну, вот же, сам видишь: раньше не совпадало. Стало быть, не закономерность, а случайность. Удивительная, не спору. Но случайность. Так что пойдй попей водички и расслабься.

Так писатель и сделал. Но поперхнулся на третьем глотке, потому что вновь взвыла сирена. По всей видимости, это увозили тело. Тело, лишенное души, что бы там ни понимали люди под этим словом.

5. Кошка

Они были чем-то похожи: соседка писателя и ее сиамская кошка. Обе сухие и поджарые. Обе с жестким внимательным взглядом: того и гляди – царапнет. Обе вылизаны до блеска. К обеим не подступиться. И еще: обе были начисто лишены материнского инстинкта. Одна – вследствие принудительной стерилизации, другая – потому что сначала как-то не сложилось, а потом уже не очень-то и хотелось.

Соседка выносила кошку гулять в специальном лукошке, и оттуда посверкивали два надменных глаза. Таких же, как у хозяйки, только с более явным отливом в желтизну. И сидя в лукошке, на хозяйских коленях, просто на скамейке или прохаживаясь на специальном поводке (тетка тряслась над своим сокровищем и далеко от себя не отпускала) кошка надзирала за доступной ей частью мира и периодически оглашала свой вердикт об увиденном протяжным сочным мяуканьем.

Нельзя сказать, что писатель не любил кошек. И все-таки его отношение к ним смахивало не некоторую легкую неприязнь. Особенно к этой конкретной кошке, лощеной и выхолощенной, сытой и наглой, выдрессированной из простого зверя в компаньонку и наперсницу одинокой дамы, что не могло не сказаться на характере обеих.

Тем более что кошка на писателя шипела.

Тем более что соседка писателя постоянно ругала.

Тем более что кошка всегда подванивала рыбой и еще черт знает чем.

Тем более что соседка душилась чем-то густым и нестерпимым.

Тем более что кошка однажды разорвала писателю штанину.

Тем более что соседка даже не предложила оную штанину зашить или как-то иначе компенсировать ущерб.

Сейчас, когда после новой серии звуков, изданных отъезжающим амбулансом, писатель не избежал соблазна вновь выглянуть в окно, он увидел на скамейке обеих: соседку, имени которой он себе не представлял, и кошку, которую звали как-то странно и не по-кошачьему: кажется, Мамзель.

Обе повернули свои плосковатые физиономии в ту сторону, где совсем недавно разразилась катастрофа. И на обеих физиономиях разлилось чувство удовлетворения увиденным.

По всей видимости, в их жизни так мало всего происходило, что событие подобного масштаба не могло не взбудоражить обеих наблюдательниц, и они жадно пялились на красные пятна, на сбежавшуюся неизвестно откуда толпу, на кричащую официантку, которую увели под руки, и на дрожащего водителя Рено, пытающегося изобразить в воздухе руками стройную картину аварии под одобрительные кивки двух внимательных полицейских.

Если бы писатель не наблюдал за всем этим с четвертого

этажа, он мог бы поклясться, что соседка с кошкой одинаково принюхиваются к недавно пролитой крови и одинаково растопыривают пальцы. Одна – короткие и когтистые. Другая – длинные и крючковатые. Впрочем, это могла быть и фантазия.

И все-таки эта парочка произвела на писателя чрезвычайно нехорошее впечатление. Он почувствовал еще большую неприязнь к обеим, и тут же отругал себя за это, ибо одним из главных правил его жизни и творчества (а две эти вещи он и не разделял) было избегать эмоций, особенно негативных. Он ведь летописец своей эпохи, а потому должен стараться быть объективным и бесстрастным.

А если быть объективным и бесстрастным, то невозможно пропустить такой колоритный образ, как пожилая женщина и кошка, сидящие на скамейке и, благодаря этому, ставшие единственными свидетелями трагедии.

Да, они были и вправду колоритнейшей парой, и профессиональный долг погнал писателя к компьютеру, который, вследствие своей безропотности и всеядности тут же сглотнул очередной кусок недавно прерванного текста:

«Они были чем-то похожи: женщина и ее сиамская кошка. Обе сухие и поджарые. Обе с жестким внимательным взглядом: того и гляди – цапают. Обе вылизаны до блеска. К обеим не подступиться. И еще: обе были начисто лишены материнского инстинкта. Одна – вследствие принудительной стерилизации, другая – потому что сначала как-то не

сложилось, а потом уже не очень-то и хотелось.

Женищина выносила кошку гулять в специальном лукошке, и оттуда посверкивали два надменных глаза. Таких же, как у хозяйки, только с более явным отливом в желтизну. И сидя в лукошке, на хозяйских коленях, просто на скамейке или прохаживаясь на специальном поводке (тетка тряслась над своим сокровищем и далеко от себя не отпускала) кошка надзирала за доступной ей частью мира и периодически оглашала свой вердикт об увиденном протяжным сочным мяуканьем.

Во время аварии они обе сидели на скамейке и видели все в подробностях. И у обеих на физиономиях разлилось чувство удовлетворения увиденным.

По всей видимости, в их жизни так мало всего происходило, что событие подобного масштаба не могло не взбудоражить обеих наблюдательниц, и они жадно пялились на красные пятна, на сбежавшуюся неизвестно откуда толпу, на кричащую официантку, которую увели под руки, и на дрожащего водителя Рено, пытающегося изобразить в воздухе руками стройную картину аварии под одобрительные кивки двух внимательных полицейских.

И казалось даже, что обе: и женищина, и кошка – одинаково принимают к недавно пролитой крови и одинаково растопыривают пальцы. Одна – короткие и когтистые. Другая – длинные и крючковатые...»

Тут писатель прервался и задумался над следующим пас-

сажем, который лежал за водоразделом между реальностью и фантазией. Впрочем, как и обычно, проникновение за эту зыбкую грань, не заняло у него много времени, и он, торжественно и по-пианистски занеся легкие руки над клавишами, продолжил:

«Увиденное их возбуждало. Да так сильно, что это возбуждение настойчиво требовало выхода, проявления в каком-нибудь необычном действии или хотя бы телодвижении.

Но если женщина была тяжела для спонтанных реакций и осталась прикованной к скамье под неодолимой тяжестью лет и разочарований, то кошка из-за еще не изжитых до конца молодости и легкости (последнее – вопреки усиленному питанию) удержаться не могла.

Она, подчиняясь какому-то невиданному магнетизму боли и смерти, скакнула из лукошка и упругой лентой метнулась к окровавленному асфальту.

Хозяйка округлила глаза и рот. Но звука из последней округлости не возникло. Все было слишком быстро даже для того, чтобы успеть воскликнуть или просто вздохнуть.

Все было слишком быстро.

Кошка, летящая с тротуара на проезжую часть.

Оживший двигатель Рено, хозяин которого закончил с предварительными показаниями и торопился отъехать от проклятого места.

Шуриание колес, об одно из которых ударилось и резко

отлетело в сторону что-то маленькое и шерстяное.

Все было слишком быстро.

Водитель заметил и, пробормотав что-то вроде: «Чур, чур меня! Это уже слишком!» – с силой вдавил педаль газа.

Рено взвыл и, отплевываясь дымом, стремительно скрылся за поворотом.

Мертвая кошка, без единой кровинки, серо-палевым пятнышком прижалась к поребрику.

Хозяйка так и не закричала. Ее губы беззвучно и совершенно бесперспективно пытались сложиться в привычное «Мамзель!», но зова не получилось. Да он и не мог быть услышан той, от которой совсем на том же месте, где несколькими минутами ранее ее кошачьей души, отлетела человеческая. Если только то, что называют душой, бывает у кошек.

Осиротевшая хозяйка искала воздух жадным ртом и хваталась за сердце.

На свете не без добрых людей. Ее заметили и вызвали скорую.

Должно быть, работники скорой помощи, были удивлены точным повторением адреса, который уже обслуживали несколько минут назад...»

– Ох, как хорошо! – порадовался писатель. – Вот это будет книга!

И он даже погрозил кому-то невидимому (будущему критику, что ли) пальцем. Так легонечко, для остротки.

И тут же палец его замер, так и не дописав в воздухе очередную дугу нравоучения. Замер, потому что замерло и все писательское существо. Замерло от очередного приступа сиренного воя.

Писатель бросился к окну.

Оттуда было прекрасно видно, как рядом со скамейкой, где откинув голову, задыхается соседка, останавливается амбуланс. Как проворные санитары выскакивают из машины и тянут за собою носилки. Как соседку бегло осматривают, слушают пульс, подключают к баллону с кислородом. И наконец, погружают в машину и увозят.

Терзаясь страшной догадкой, страстно желая и страшно боясь повернуть голову, писатель остолбенел и впился пальцами в подоконник.

– Нет, не смотреть туда! – велел он себе. – Если посмотрю и увижу, то все. Все кончено! Все! Все пропало! Нет, только не смотреть!

И все же он знал, что посмотрит.

Как летописец эпохи.

Как искатель правды.

Как творец.

Как человек, слабый в страхе своем и сильный в своей надежде.

– Нет, надо посмотреть. И убедиться, что там ничего нет! Ничегошеньки!

Зубы его застучали как в лихорадке.

– Там ничего нет! – взвыл он в голос.

А повернуть голову все же побоялся.

– Смотри! Смотри туда, трус! – приказывал он себе. – Там же ничего нет! Убедись в этом! Убедись! Иначе ты не сможешь жить!

Он посмотрел.

Сначала плохо посмотрел, потому что глаза вдруг покрыла какая-то пелена.

А потом присмотрелся получше.

Даже выгнулся весь над подоконником.

И тогда увидел.

Прямо у поребрика.

Маленькое серо-палевое пятнышко.

Маленькое тельце, еще, должно быть, теплое.

Мамзель!

Писатель сполз на пол. Его затрясло. Затылок дрожал и с легким стуком бился о холодную батарею.

6. Психоанализ

В приемной было тихо, и к воздуху примешивался тот почти неуловимый привкус вентилируемой пыли, который бывает только в помещениях с кондиционерами.

Писатель попал сюда, перевернувшись предварительно целую грудку справочников и сделав целую серию звонков. И, кажется, нашел то, что искал.

О хозяине приемной и маленького кабинета, дверь которого должна была вот-вот открыться и впустить писателя внутрь, имелись хорошие отзывы. Достойные издания и серьезные люди представляли его как человека внимательно-го, вдумчивого, тактичного, легкого и знающего свое дело.

Он был психоаналитиком, вскрывал нарывы в чужом сознании, заклеивал сочащиеся тоской души пластырем профессионального участия.

За этим к нему и приходили. И уже в приемной, насквозь пропитанной застоявшейся тишиной, ощущали некоторое облегчение. И к тому же уверенность, что отсюда, откуда волшебным образом не доносится ни звука (ни тиканья часов, ни скрипа кресел под тяжестью расслабленного тела, ни даже гула явно ощутимого кожей того самого кондиционера), не вырвутся и те звуки, в которые придется облечь неизбежную исповедь из самых сокровенных уголков подсознания.

Писатель тоже воодушевился. И, успокоив нервную дробь пальцев, скользнул рукой по добротной коричневой коже подлокотника. И ощутил ее невозмутимую потусторонность любой житейской суете. И еще больше обмяк и разнежился. И даже (хоть обстановка и не располагала к самовольной активности) достал блокнот и принялся строчить:

«В приемной было тихо, и к воздуху примешивался тот почти неуловимый привкус вентилируемой пыли, который бывает только в помещениях с кондиционерами...»

Тут писатель расширил ноздри и усиленно принюхался, чтобы еще сочнее ощутить только что описанный запах и сравнить скроенную им словесную одежду с оригинальным лекалом реальности. Пахло пылью.

В руке писателя дернулся карандаш.

И вот тут-то дверь и открылась.

Тоже на удивление тихо, как будто все происходило не наяву, а на экране захудалого кинотеатра начала двадцатого века, где крутится немой фильм, а тапер запил и посему никак не в состоянии присовокупить к картинке какой-либо звук.

Писатель привстал было с кресла, но тут же упал обратно, выжидая, что дверь сначала выпустит предыдущего посетителя.

Им оказалась чрезвычайно пышная дама, которая словно даже не шла, а перекатывалась по полу, и при этом мелко-мелко кивала головой, выслушивая направленные ей в затылок последние рекомендации наставника.

Очевидно, ей нравилось услышанное, потому что она явно млела и явно розовела с каждым шагом и с каждым словом. Тем более что психоаналитик из деликатности и нежелания оголить ее тайны перед следующим клиентом перешел на шепот и максимально приблизил рот к ее короткой шее. Для этого ему пришлось причудливо изогнуться, ибо он имел до смехотворного контрастное даме сложение.

Был он высок, анемически бледен и отличался такой болезненной худобой, что создавалось впечатление, будто кто-то высосал из него всю кровь и жизненную силу.

– Должно быть, всего себя отдает пациентам, бедолага! – подумал писатель, и к его трепету перед мастером прибавилось еще и сострадание мученику.

А психоаналитик при этом мучеником вовсе и не был. По крайней мере, закончив наставлять даму, он весьма живо и галантно вытянулся и зачем-то проказливо хихикнул.

– Старайтесь, голубушка! – уже в голос добавил он.

Дама благоговейно воздела руки и пообещала стараться.

Настал черед писателя.

Психоаналитик бросил на него цепкий изучающий взгляд и показал обеими руками на кабинет.

– Прошу любезно!

– Спасибо.

Пока они расшаркивались на пороге, писатель успел заметить, что внутри кабинета сумеречно. И пылью оттуда запахло еще сильнее, невольно пробуждая в болезненном пи-

сательском сознании ассоциацию со склепом.

Впрочем, он не убоился, ибо хозяин кабинета, как уже было сказано, более походил не на вампира, а на жертву таких, если бы они, конечно, имели обыкновение пользоваться его услугами.

Писатель вплыл внутрь и, повинувшись тому же указующему жесту неправдоподобно длинных тощих рук, отдал себя объятием кушетки – точно такой, какая, как всем известно, обязана быть у каждого психоаналитика и без которой ни один клиент не способен дать обнаружить свои самые тайные потоки сознания.

Кушетка приняла его также беззвучно, как ранее кресло приемной. Магия тишины продолжала действовать.

Психоаналитик, тем временем, представился и разразился краткой и весьма возвышенной преамбулой, где воспел славу своему методу и себе самому.

– Я Вам помогу непременно! – заверил он. – Вы словно родитесь заново!

– Как раз этого бы я не хотел – осмелился встрять писатель. – Мое рождение, судя по рассказам матушки, было вполне лучезарным, да и вся жизнь до сих пор меня устраивала. И только сегодня что-то не заладилось.

– Сегодня? – повторил хозяин кабинета с вопросительной интонацией. – И Вы сразу ко мне? Отменно! Будем вырывать проблему с корнем, пока она не разрослась.

– Именно! – подтвердил писатель. – Именно этого мне и

хочется. Пока не разрослась!

– Да Вы не на шутку напуганы! Полноте! Это лишнее. Мы изгоним Ваши страхи.

Сказал он это как-то слишком елейно и по-инквизиторски, да еще и белые длинные по-лошадиному зубы его при этом зловеще сверкнули.

Писатель вжался в кушетку.

– Расслабьтесь! – велел психоаналитик замогильным голосом. – Закройте глаза. Расскажите мне, с чего все началось.

– С того, что погибли мотоциклист и кошка – прошипел писатель.

– О, это часто бывает. Я читал, что по статистике многие мотоциклисты разбиваются именно при столкновении с животными. О, бедный добросердечный человек! Вы стали очевидцем аварии. Вас поразили вид крови. Кровавые пятна стоят у Вас перед глазами и гонят сон и аппетит. Вам стыдно жить в мире, где столько зла и трагедий. Вы хотите покинуть эту юдоль печали. Но ответственность за семью и человечество не позволяет Вам это сделать. И вот Вы пришли ко мне, чтобы я примирил два Ваших сокровенных вступивших в единоборство желания: желание жить и желание достойно умереть!

Писатель привстал на кушетке.

– Лежите! – прикрикнул вдохновленный психоаналитик. – Лежите и не шевелитесь. Я сейчас проникну в Ваше подсознание и мы совместными усилиями извлечем оттуда

червя сомнения, который уже довел Вас до депрессии и который, дай ему только волю, доведет Вас до язвы и импотенции.

Он бросил на писателя пронизывающий насквозь взгляд прорицателя и тут же, не позволив клиенту ни возразить, ни оправдаться, громогласно продолжил:

– О, я вижу, что угадал. Как это метко. Женщины! Женщины Вас еще влекут? С их призывной мягкой плотью и трогательной беззащитностью? О да! Они влекут Вас, но Вы боитесь дать им недоброкачественную ласку, ибо подсознательно противитесь полнокровной жизни. Вы – запуганный самец. Но я раскрепощу Вас и воссоздам раздавленное под колесами мотоцикла либидо!

Потрясенный писатель приоткрыл один глаз.

– Не подсматривать! – завопил психоаналитик. – Вы не должны меня сейчас видеть. Зато я вижу Вас насквозь! О, если бы Вы знали, какая беспросветная тьма открывается мне в Вашей душе. И к тому же Вас гложет философский вопрос: достойна ли кошка, которая стала причиной смерти человека и как в отместку была убита им же, жалости.

– Да они вовсе не умерли вместе! – наконец-то запротестовал писатель. – Это были две разные смерти. И не то что бы... Нет, мне, конечно, их жалко, но я вовсе не поэтому...

– Да-да, конечно, не поэтому. Все дело в женщинах.

– Тьфу ты! – не сдержался писатель. – Да причем тут женщины?

– Да ведь кошка – лишь метафора, как Вы это сами не понимаете?! Кошка, сбита грубым мотоциклом – это женщина, которую Вы терзаете своей неприкрытой брутальностью.

«Он сумасшедший!» – догадался писатель.

– Это ведь так прозрачно! – развел руками психоаналитик.

– У меня нет женщины, – возразил писатель.

– Потому-то она и терзается, что Вы ее не приближаете, а ей так бы этого хотелось, – нашелся психоаналитик.

– Кто это она?

– Та, которую Вы подсознательно хотите убить. Мотоциклом.

Писатель тихонько взвыл.

– Именно так! – настаивал психоаналитик.

«Сейчас он скажет, что две великие силы, описанные Фрейдом, эрос и танатос, определяют все человеческие поступки; потому-то он так и уверен в своем диагнозе», – промелькнуло в голове у писателя.

– Вы должны знать, что две великие силы, описанные Фрейдом, эрос и танатос, то есть жажда секса и жажда убийства, определяют все человеческие поступки. Потому-то я так и уверен в своем диагнозе! – провозгласил психоаналитик.

Писатель побледнел.

«Опять это наваждение! – попытался он отмахнуться от собственной догадки. – Нет, точно наваждение! Ничего се-

рьезного. В конце концов, его позиция просто очевидна. А что если...»

Психоаналитик попытался силой уложить непослушного клиента обратно на кушетку. Тот не поддавался, занятый своими мыслями:

– А что если... Если попытаться вложить ему в уста что-нибудь несусветное. Что-нибудь такое, что ни к селу ни к городу. Например... что-нибудь о жизни медуз...

– А Вы знаете, что мне сейчас пришло в голову? – встрепенулся хозяин кабинета. – Медуза. Вот представьте себе, что она, такая бледно-розовая, с кружевными щупальцами плывет в океанской бездне. И кажется такой беззащитной и слабой. Но нет! Не тут-то было. В ее нежном прозрачном до призрачности брюшке спрятан смертельный яд. Подплывет поближе доверчивая рыбка, и медуза тут же ужалит, паразит, усыпит свою жертву и пожрет, растворит без следа и по-прежнему устремит свое кисейное тельце навстречу следующей жертве. Так вот: эта медуза – Вы!

На писателя вновь, как утром в лифте, нахлынуло ощущение приближающейся клаустрофобии.

– Я, пожалуй, пойду – пробормотал он.

– Я провожу! – любезно откликнулся психоаналитик.

«Сейчас гонорар потребует! – расстроился писатель. – А главное, за что? Ему самому лечиться надо».

– Да, кстати, о моем гонораре – прошелестел сзади вкрадчивый голос.

«А гонорара не нужно, – усиленно подумал писатель. – На этот раз я денег брать не буду. Это мой безвозмездный дар для Вашего исцеления».

– А гонорара не нужно. На этот раз я денег брать не буду. Это мой безвозмездный дар для Вашего исцеления. Вы мне так понравились! – в глазу психоаналитика блеснула слеза.

– Будьте здоровы! – пожелал писатель.

– Будьте здоровы! – донеслось в ответ.

Приемная поглотила эти звуки и опять погрузилась в ирреальную тишину.

7. Спиритизм

Поверхность стеклянного шара была какой-то мутноватой и отдавала дешевизной. Парящим же над шаром и плотоядно шевелящимся пальцам скорее подошло бы выписывать контрамарки в филармонии, нежели управлять стихиями.

Так думал писатель, сидя напротив знаменитого (и недешевого) медиума, который пыжился в эзотерическом вдохновении и сводил брови у переносицы до того усиленно, что страшно было, не лопнет ли чересчур натянутая на висках кожа и не обнажатся ли фрагменты черепа для еще более полного пробуждения в клиенте чувства вечности.

Собственно говоря, писатель сам не совсем понимал, зачем записался на спиритический сеанс. Он не страдал от потери близкого человека. А потому не мог желать войти в контакт с душой ушедшего (что бы там ни понимали люди по словом «душа») ради продолжения привычной и необходимой связи или ради успокоения собственной нечистой совести за былые грешки против ныне покойного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.